СОТРИ СЛУЧАЙНЫЕ ЧЕРТЫ...

«Пиковая дама» в Ленинградском театре оперы и балета имени С. М. Кирова

«Пиковая дама», только что заново представленная Ленинградским театром оперы и балета имени С. М. Кирова в музыкальной и сценической интерпретации Юрия Темирканова, — спектакль огромной, впечатляющей силы. Взмахом руки Темирканов рождает образы, звуковые по своей изначальной сущности, но тут же обретающие пластическую, пространственную форму. Ни единый мотив, ни единое тремоло литавр не остаются просто звуковым сочетанием, просто ритмом, всегда это душевное движение, шаг мысли, событие, постепенно складывающееся в отрезки жизни, в человеческие судьбы. Зрительный ряд конкретизирует музыку. Речь идет не о нахождении осязаемого эквивалента каждой звучащей фразе, не о мелочном иллюстрировании. Это было бы недостойно любой оперы. «Пиковой даме» в особенности, ибо содержание здесь исполнено огромного обобщающего смысла. Отдельные музыкальные темы, характеризующие определенное действующее лицо, в то же время обозначают и некое жизненное явление, символизируют идею. Так краткий, состоящий всего из трех звуков зловещий мотив трех карт служит «визитной карточкой» Графине, олицетворяет пагубное желание Германа выиграть и разбогатеть, является знаком тех роковых сил, что преграждают человеку путь к счастью. А тема любви, которая соединяет Лизу и Германа, становится в спектакле воплощением возвышающей мечты, идеала, добра.

Ю. Темирканов очень полно выявляет единство индивидуализированного, конкретного и обобщающего. Отнюдь не пренебрегая атрибутами быта, любовно воссозданными Чайковским в сценическом действии и в партитуре, дирижер постоянно следит за сквозными тематическими линиями и выстраивает спектакль как грандиозное симфоническое действо.

Творческий опыт убедил Юрия Темирканова: темп и громкость — величины относительные. Хочешь достичь стремительности звукового потока — противопоставь ему медленное, спокойное движение, хочешь добиться громкоподобной силы нагнетания — начни с тишайшей звучности. Оттого исполнение так богато темповыми градациями, оттого так часто поют и играют в спектакле на нежном *piano*. В наш век постоянных шумов и привычной громкости эти тишайшие звучания в ленинградской «Пиковой даме» могут показаться невероятными. Здесь все, почти все владеют *piano*, не теряя при этом наполненности и тембровой красочности звучания. А как играет *piano* оркестр! Какие тонкие психологические и эмоциональные нюансы при этом раскрываются. Оркестр театра в спектакле является одним из главных действующих лиц, достигая истинных художественных вершин. Пространная шкала оттенков, доступная инструментальному коллективу, служит образцом для хорового коллектива, руководимого опытными хормейстерами А. Муриным, Н. Попович и Л. Теляковым. Обилие градаций темпа и динамики не придумано дирижером. Чайковский запрограммировал это, снабдив партитуру множеством соот-

ветствующих обозначений. Сошлемся для примера на постепенное затихание звучности от двух до пяти *piano* (!) в песенке Графини. Но, увы, редко замечают и еще реже выполняют их интерпретаторы!

Чутье музыканта питает режиссерскую фантазию Темирканова, и большинство поставленных им мизансцен воспринимаешь как «зримую музыку». На репетициях его помощником был опытный режиссер Г. Миллер. Как, например, тонко ощущаешь, что квинтет «Мне страшно» из первой картины — это внутренний монолог пяти человек, на мгновение почувствовавших в своей встрече роковое предначертание. Сделано это с помощью очень уместно примененного приема стоп-кадра. Не менее выразительно с точки зрения режиссуры решение следующей за квинтетом баллады Томского. Оно полностью соответствует характеру музыки, таинственной, с осторожным последованием шагов в аккомпанементе. Заинтригованный Герман не может оторвать глаз от Графини, о которой рассказывает Томский. В роли Томского великолепен Сергей Лейферкус — душа офицерской компании, подтянутый и бравоый. На пути к индивидуальной постижению образа — другой исполнитель, недавно принятый в труппу кировцев, — Валерий Алексеев.

Примечательно, свежий штрих запоминается и в следующей, второй картине, когда Полина начинает свой Романс (с редкостной проникновенностью поет его Евгения Гороховская), на пороге комнаты Лизы появляется ее горничная Маша (Т. Филимонова, Е. Перласова). Впечатлительная, неподчиненная этикету девушка не может сдержать слезы, услышав грустное завершение романса. Чтобы развеселить собравшихся, Полина запекает народную танцевальную «Ну-ка, светик, Машенька, ты потешь, попляши» и сольной-плясуньей вводит в круг Машу (и как это прежде не обратили внимания на совпадение имен?), что и вызывает закономерное неудовольствие чопорной Губернантки (небольшую партию эту с художественным тактом проводит Н. Аксочиц). Несколько выделяя роль Маши, режиссура тем самым косвенно характеризует Лизу: нам понятнее, откуда в ариях ее, особенно в знаменитой «Ах, истомилась, устала я», это обаяние русской протяжной песенности, эта душевная красота. В роли Лизы выступают Лариса Шевченко и Татьяна Новикова. У обеих она — подкупающая, искренняя, сильная своей нравственной бескомпромиссностью и притом в соответствии с особенностями индивидуальности актрис разная. Более порывистая и драматичная у Шевченко, более лиричная, мягкая у Новиковой.

И еще нетрафаретное решение. Возвратившись с праздника, Графиня вспоминает балы своей юности и напевает французскую песенку. Обычно поет она сидя в глубоком кресле в полусне, предвещающем тот вечный сон, в который ей скоро суждено погрузиться. Темирканов, исходя из томно-танцевального характера пе-

сенки, поставил ее по-иному: уверенная, что никто ее не видит (находящегося за колонной Германа она не замечает), Графиня встает и сопровождает свое пение изысканно-галантными поклонами и приседаниями. Этот танец потрясает. Обе выдающиеся исполнительницы партии Графини — Ирина Богачева и Людмила Филатова — по-разному в оттенках, но с равной силой художественного воздействия проводят эту сцену.

Ну, а каков Герман? Ведь от решения этого образа в большой мере зависит характер спектакля. Алексей Стебляно, вокально и сценически раскованный, в этой роли доверителен и доверчив, ему веришь и сострадаешь, как близкому человеку. Выступая из укрытия и медленно приближаясь к обомлевшей Графине, Герман просит ее открыть тайну карт; то мольба, то деланная светскость, то отчаяние звучат в его удивительно богатым оттенками голосе. Последнюю арию («Что наша жизнь?») он пропевает с глубокой горестью, как человек, изувечившийся в добре и справедливости. И лишь в смертные свои мгновения, обращаясь памятью к Лизе, вновь обретает он веру в идеал. Другой Герман — Юрий Марусин — более суров и демоничен. Уже при первом появлении он углублен в себя и отстранен от окружающих. Заключительный монолог у него — апогей безумного торжества. Голос Марусина со стабильными, уверенными верхами звучит особенно впечатляюще в драматических эпизодах. Из других персонажей упомяну Елецкого — роль эту в благородной, сдержанной манере ведут Валерий Лебедев и Владимир Чернов, достигая особенной убедительности в финале. Мила и трогательная Прилепа — Галина Ковалева в аллегорической пасторали «Искренность пастушки», с изысканным вкусом поставленной Олегом Виноградовым.

Опера, как известно, искусство условное. Под рубрику «условность» прячутся порой и те «допуски», которые на самом деле вовсе не допускаются «спецификой» жанра. Мы частенько мнимся с плохой дикцией певцов: «в опере, дескать, главное не слово, а музыка», мы прощаем разительные несоответствия внешнего облика актеров и персонажей. В ленинградской «Пиковой даме» нет пресловутых «допусков». Но сколько труда и таланта потребовало создание такого ансамбля!

Сценографическое решение спектакля принадлежит Игорю Иванову. Около 100 лет назад здесь же, в тогдашнем Маринском театре, была осуществлена первая постановка оперы, по словам Чайковского, «невиданно роскошная» и одновременно психологически углубленная. Иванов следовал традициям этого первого спектакля. Декорации отдельных картин становятся все более впечатляющими по мере развертывания представления. Волнует своей трагической призрачностью колорит картины в спальне Графини. В сценах «Казармы» и «Зимней Канавки» пышная декоративность, торжественное барокко сменяются строгой графичностью, классической ясностью. Все это присутствует и в самой архитектуре города на Неве, в гармоничнейшем ее создании — Дворцовой площади, где сказочная нарядность Зимнего дворца и величавая стройность Главного штаба великолепно объединяются Александровской колонной.

Премьера «Пиковой дамы» в Кировском театре оперы и балета, которая состоялась 25 и 27 декабря, прошла с огромным успехом. Несомненно, что новое прочтение оперы талантливым коллективом станет большим событием музыкальной жизни.

М. БЯЛИК,
заслуженный деятель искусств РСФСР.

ЛЕНИНГРАД.